

ЧАСТЬ 1

ВРЕМЯСКОК

ГЛАВА 1

РАЗБИТЫЙ ТЕЛЕВИЗОР

Антон не хотел переезжать. Все ему говорили, что он боится, а он просто не хотел. Он прожил в этом доме — пусть небольшом и обветшавшем, но зато окруженном любимыми с детства цветами и деревьями — четырнадцать лет. Аргументы мамы, конечно, были весомыми: новая большая квартира, собственная отдельная комната, стеклопакеты вместо растрескавшихся рам... Правда, нет своего двора, зато какой вид из окон с седьмого этажа и балкон...

— Жалко сад... — вздохнул он.

— Ага, ты как у Чехова, этот, который страдал, что черешневый сад надо продавать, — прыснула Женя.

— Вишневый, — поморщился Антон.

Его раздражало, что Женя такая веселая и его тревоги по поводу переезда не разделяет. А ведь она не только его одноклассница и соседка, но и лучший друг. Могла бы и посочувствовать.

— Ой, нет, знаю, знаю — ты как домовенок Кузя! — снова засмеялась она. — Помнишь, когда его избушку снесли. Ну вылитый ты!

Это тоже было не смешно, но Женя прямо заливалась.

А теперь в школу Женя будет одна в маршрутке ездить, без Антона. А раньше так хорошо было: пропустил нарочно свой автобус — и в лес, до самого шестого урока. Они прогуливали всегда вдвоем, с самого первого в своей жизни прогула, и с утра до середины дня по будням лес был только их, и поле, и начинающийся за полем орешник.

Уже потом, проводив Женю до соседнего дома, угнездившись в кровати, отправив ей тошнотный смайлик, он признался себе, что все-таки боится. И больше всего его пугают не сами перемены, а неизвестность, которая эти перемены сопровождает. Что все, что сейчас впереди, — все это какое-то невнятное. И на самом деле для него это событие мирового масштаба, а не какой-нибудь там пустячок. А потому он совершенно полноправно может разрешить себе не разделять общих восторгов: расширение, городская квартира, новая жизнь. Ему и в старой было хорошо. А скажи он это вслух — все бы начали упрекать его в недалновидности, неблагодарности и эгоизме.

А ведь если бы не этот переезд, Антон бы не нашел ту самую проклятую коробку и не рухнула бы в одночасье их с Женей тихая, мирная жизнь. И не пришлось бы из-за коробки потом переезжать не просто в другой город — а в столицу. Не пришлось бы целый год жить в бегах, каждый день опасаясь, прячась, ожидая неминуемой расплаты.

Но всего этого Антон тем вечером не знал, поэтому немного погрустил о прошлом, пожалел себя, а когда Женя наконец прислала ему в ответ танцующий смайлик, он уже заснул.

* * *

Женя говорила — это все потому, что мать Антона снова вышла замуж. И отчим — Сергей Александрович — привнес в их жизнь перемены: в том числе надоело ему ждать обещанного расселения, и придумал он продать Антонов старенький дом. Не только придумал, но и продал за неприличные какие-то деньги, такие, что на эти деньги они могли себе позволить сделать в новостройке ремонт, поменять машину, на образование Антону и сестре отложить и еще на отпуск в конце учебного года оставалось.

Антон против Сергея Александровича ничего не имел. Не называл его папой, обращался к нему «Сергей» или «Сергей Александрович», но мирился с его существованием и даже по-своему уважал. Например, когда они с Женей однажды обмазали все машины на стоянке голубой глиной и расписали словами «Бойтесь, к вам идет полтергейст» (это они, насмотревшись новой части «Астрала», якобы от имени полтергейста сделали), машину Сергея Александровича он даже предложил пощадить. Но Женя уверила, что тогда это будет слишком явная, указывающая на них улика. Так что тачку они все-таки упачкали, и Сергей Александрович всыпал тогда обоим, потому что Женя — она, считай, как член семьи...

На смотрины новой квартиры Женю, как почетного «почти что члена семьи», тоже взяли. Ей квартира страшно понравилась, особенно лоджия — крытый балкон с умопомрачительным, по ее скромному мнению, видом — и Антонова пятиугольная просторная новая комната. Но из уважения к лучшему другу она как могла напускала на себя унылый вид и изо всех сил искала недостатки в новом жилище.

В тот день Женина мама работала в вечернюю, и они, как всегда бывало в таких случаях, куковали у Жени. Смотрели сериалы и ели бутерброды с сыром без хлеба — это когда топшь сыр в микроволновке прямо в тарелке, а потом ешь его как спагетти, наматывая на вилку. Мешали колу с растворимым кофе, чтобы проверить достоверность слухов о том, что это якобы бодрит лучше любого энергетика.

Женя гнула свое: кофе — это такой взрослящий напиток. Гадость редкостная — без сахара горчит. Сахара пересыплешь — тогда и горчит, и зубы от приторной сладости при этом сводит. Добровольно эту жижу можно пить, только чтобы казаться себе самому, а заодно и всем вокруг страшно важным и серьезным.

Антон, весь в себе и в своих личных, связанных с переездом переживаниях, пробормотал что-то насчет того, что взрослеть как-то особого резона нет. И так неплохо все. Женя потребовала: аргументируй. В ее понимании, чем скорее они вырастут, тем скорее начнут уже наконец путешествовать по миру. Полетят в Таиланд посмотреть на обезьянок — их там, если верить передачам, столько же, сколько у нас голубей на улицах. И они там прямо по улицам и прыгают.

Да потому что чем старше он становился, тем больше неинтересных или ненужных ему вещей приходилось делать.

Например, каких?

Например, ухаживать за сестрой. Ей-то вообще хорошо, быть младшим всегда лучше, чем старшим, — так думал Антон. Все лучшее — тебе. А Антон здоровый конь, пусть занимается всем, чем никто заниматься не хочет: дома убирай, за сестрой смотри, по кружкám ее води, за огородом следи, машину Сергея Александровича мыть помогай, листовки летом раздавай, учись хорошо, заканчивай школу, куда-нибудь поступай.

К Жене мама настолько крепко не приставала. Хорошо иметь все-таки одного родителя, а не двоих.

Их мамы познакомились много лет назад — две одинокие дамочки, одна с двумя детьми, другая с одним (зато с оторвой). И оказалось, что они живут практически по соседству. Только мама Антона, на его взгляд, все-таки была гораздо строже, а вот у Жени дома хоть на голове ходи, хоть перебей все окна — ее мать только ругалась, и то скорее устало, чем сердито, и практически никогда ни за что не наказывала.

Женя очень любила розыгрыши, а Антон любил Женю, поэтому розыгрыши они устраивали в основном вместе, и довольно скоро за их парочкой закрепилась слава яростных шутников, которых побаиваются в школе, но уважают. Соседи (которые уже скоро станут для Антона соседями бывшими) отзывались о них крайне неодобрительно, а все уличные собаки и коты шарахались при одном их виде.

В общем, всякого рода подставы и шутки — от тупых, простых и безобидных до сложных и даже опасных — это была

такая привычная часть жизни, что Женя сначала решила, будто Антон ее насчет переезда разыгрывает. Потому что, когда им было лет по девять, она однажды устроила целый спектакль: собрала все их с матерью имущество, которое смогла сдвинуть с места, расставила по углам принесенные из магазина «Продукты 24» коробки, скорчила скорбную мину и объявила замогильным голосом остолебневшему от удивления Антону, что «уезжает насовсем, целиком, далеко и навсегда». Тут она, видно, решила, что Антон организовал ей такую вот запоздалую ответочку.

И потому, из-за этих самых извечных подколов, она сначала долго не верила, что эта коробка — настоящая.

* * *

За несколько недель до того, как Антон обнаружил у них дома *ту самую коробку*, Женина мама впервые, кажется, за все время их знакомства разозлилась на Женю по-настоящему. Потому что они с Антоном разбили телевизор.

Они поспорили: бейсбол — дурацкая игра или все-таки нет? Сначала спорили в теории, а потом перешли к практике. Так и влетел в плоский экран телевизионного приемника круглый металлический подсвечник с нарисованным пузатым петухом, который с чего-то им показался достойной заменой бейсбольному мячу.

Сначала Женина мать ругала ее при Антоне, потом ругала и Антона тоже, а после выставила его за дверь. Он было испу-

гался, что обо всем узнают родители, но Женина мать так им ничего и не рассказала.

А Женя все выходные просидела дома, на телефон не отвечала, и увиделись они только в школе в начале новой недели. Женя была горем убитая, злая и тихая. Она злилась все уроки до большой перемены, а на перемене сообщила Антону, что ненавидит свою мать. Так прямо и сказала. С такой глубиной, что он даже испугался. Ну помирятся они, с кем не бывает. Тогда Женя обозвала его поленом и дураком с эмоциональным диапазоном как у чайной ложки или вообще зубочистки, и расплакалась. Антон аж отшатнулся — он терпеть не мог, когда плачут, особенно женщины, тем более Женя, которая не плакала практически никогда.

Плача, Женя пересказала все самые обидные места их разговора с мамой. Антон подавленно молчал. С тем, что Женя злой, недобрый и бесцельный человек, он был категорически не согласен, но оспаривать эти обвинения не мог — во-первых, Женя не затыкалась и не давала ему и слова вставить, во-вторых, Женина мама эти обвинения довольно логично аргументировала.

Она телевизор покупала в кредит, очень старалась, еле его закрыла — получается, просто чтобы собственная дочь его раскурочила. Мама пророчила Жене походы если не к психологу, то в детскую комнату полиции точно и прочие неприятности. Сетовала на то, что, если в свои-то годы Женя так себя ведет, что же ждет ее и заодно ее бедную маму в будущем.

Антон похлопал ее по плечу. Его сочувствие не утешило убитую горем Женю — ей хотелось бежать из дома и никогда не возвращаться, чтобы мама кусала локти, плакала и жалела, что лишилась из-за своей черствости единственной дочери.

Антон понимал, что все это бред, но из солидарности не прерывал Женины фантазии. Это было глупо и не всерьез. Женя никогда не убегала дальше его дома, а все ее «уходы насовсем» не продолжались дольше одной ночевки в гостях у Антона.

* * *

В конце той недели они всей семьей пошли смотреть балет на льду: по мнению Антона — бред сумасшедшего. Но мама любила фигурное катание, Сергей Александрович любил маму, сестренка любила фиксиков, так они на это двухчасовое занудство и попали. Антон свою семью тоже любил и от бесконечных сборов и запаковок устал не меньше остальных, так что, когда дядя Сережа торжественно объявил субботу «днем отвлечения от переезда», он и не возражал.

Он сидел в холодном зале стадиона в куртке и шапке, не смотря на апрель месяц, и украдкой писал Жене. А Женя, которая все еще была под арестом, украдкой ему отвечала.

Из-за отвратительного звука Сергей Александрович не мог разобрать ни одного вылетающего из огромных колонок слова, а без слов действие на катке было в принципе не понять. Увлеченную созерцанием каких-то замысловатых околоба-летно-фигуристских па мать отвлекать не стоило. Сестренка

искренне заинтересовалась судьбой собравшихся на войну то ли с демонами, то ли с коренными — в человеческий рост — зубами фиксиков. И Сергей Александрович, сочувственно наблюдая за околевающим от скуки Антоном, предложил ему прогуляться, заглянуть в буфет спортивного комплекса.

— Что, подружка твоя все еще в опале? — сочувственно спросил он, пока Антон яростно жевал бутерброд с укропом и сыром, обжигаясь горячим чаем.

Антон согласно промычал в ответ и рассерженно пожал плечами — сколько уже можно Женю наказывать. Неужели Женина мать не понимает, что страдает от этого и он тоже.

Весна выдалась какая-то поздняя. Везде лужи и серый кашеобразный снег. Это вам не Таиланд.

— Ты извини меня за это, — Сергей Александрович кивнул в сторону зала, — но наши женщины устали от бесконечных сборов и прочих побочных эффектов переезда. Ты молодец, держишься стойко, я хочу сказать.

Они немного еще постояли, полные мужской солидарности и даже какой-то уверенной ответственности за благополучие их семьи. Антон тогда еще подумал, что есть же все-таки и свои плюсы в том, чтобы быть взрослым. Как же он ошибался.

— Уже две машины вещей перевезли, твоя с Лизой комнаты осталась, — вернул его с небес на землю Сергей Александрович. — Помоги сестренке и свой хлам разбери, там наверняка столько всего придется выкидывать...

— Не надо выкидывать, — пробурчал Антон.

— Ну, тебе, конечно, виднее. До понедельника справишься? Антон хмуро кивнул.

С виду коробка напоминала обычный жесткий диск, только ни проводка, ни разъема у нее не было. А на ощупь была теплая, как нагревшийся от долгого разговора мобильник, и тихонечко вибрировала. Даже не вибрировала — еле слышно гудела.

Из чего она была сделана — непонятно. Металл — не металл, пластик — не пластик. Гудение не прекращалось. По бокам коробки виднелись выпуклые кнопки. Антон наугад нажал на одну из них — гудение смолкло, но больше ничего не произошло. Она по-прежнему оставалась теплой — чуть больше смартфона, чуть меньше карманной книжки.

Откуда она взялась у Лизы под кроватью и сколько времени там пролежала, оставалось загадкой. Судя по слою пыли — немало. Антон встал на колени и в третий раз подряд заглянул под кровать, осветил фонариком туда, где раньше стояла Лизина корзинка со старыми игрушками. За ней-то и обнаружилась коробка. Паркет в том месте был темнее, но это давно уже стало так — осталось темное пятно от шкафа, стоявшего когда-то у стены. Потому-то сюда и поставили Лизину кровать во время ремонта — чтобы закрыть пятно.

Значит, коробка появилась тут уже после ремонта. А ремонт был два года назад, после переезда к ним Сергея Александровича.

Антон вылез из-под кровати и отправился искать Лизу. Потом пошел звонить Жене, потому что разговор с сестрой

ничего не прояснил: она знать не знала, откуда у нее под кроватью взялось непонятного рода устройство, и посоветовала рассказать обо всем маме. Антон обозвал Лизу неразумным дитем, и на этом их разговор завершился.

Женя говорила шепотом, потому что все еще была наказана. Находка ее не заинтересовала совершенно, зато, отсижив дома целые выходные, она, по ее словам, «высидела» потрясающий план розыгрыша их с Антоном излюбленной жертвы — соседки Марии Семеновны, зануды и сплетницы.

Та, как порядочная одинокая женщина средних лет, отлично разбиралась почти во всем, в особенности в вопросах воспитания детей, и считала своим долгом как можно тщательнее просветить в этих вопросах если не всех людей, то хотя бы ближайших соседей.

— Ей, типа, придет письмо от Первого канала. Что ее к Малахову приглашают в студию. Рассказать о нравственности и морали.

— Ну и?

— Ну и чего, она же всем сразу хвастаться побежит. Во-от, мол, какая я высокоморальная, меня аж на телевидение приглашают. Наверняка еще придет к маме злорадствовать, что я телик разбила и мы ее там не увидим...

— Ну а в чем розыгрыш?

— Ну в чем, в том, что никакого письма нет. Это я его написала. Не переживай, я его уже отправила, пока ты там на льду прохлаждался.

— Жень... ну я не знаю, Жень, там же можно по айпи проверить, с какого компьютера отправлено...

— Да будет она проверять, ага, конечно. Не бойся, чего же ты боишься? Мы ее на телефон снимем и в интернет выложим. Она проснется знаменитостью!

В ту ночь Антон спал очень плохо. Продолжающую гудеть коробку он положил под подушку, и мысли его вращались в основном вокруг этой непонятной машинки. Процессор не процессор. От чего он? Зачем? Жаль, в технике он не разобрался. И непонятно, для чего ему эта штука, но почему-то он решил, что оставлять ее под кроватью сестры нельзя. И выкидывать нельзя: то ли жалко, то ли еще что-то, и непонятно толком что, но беспокойно. Было как-то тревожно. Потом мысли перетекли к Жене — и стало еще тревожнее. Наконец он заснул, но тревога проследовала за ним в сон, и ему приснилось, что Женя предлагает на спор зацементировать себя в большом, огромном котле посреди бесконечной серой стройки, и он вроде как не соглашается, но уже ступает в вязкую тяжелую жижу, и тут гаснет свет.

ГЛАВА 2

ОСТАНОВКА ВРЕМЕНИ

В первый раз коробка заработала на уроке истории. Историчка — божий человек — бубнила себе под нос то, что ей было положено бубнить, и урок фактически из раза в раз превращался в «окно». Правда, год подходил к концу, и неплохо было бы уже попытаться взять себя в руки и что-то учить. Они потому и пришли на урок сегодня — историчка вообще спокойно относилась к отсутствию трети класса, и Женя предлагала вовсе прогулять, но Антон, хмурый с утраца от ночных кошмаров, настаивал — мол, год на исходе, надо бы сходить, и так далее и тому подобное.

Теперь оба маялись от скуки в привычной для себя дислокации — середине классной комнаты, и не совсем задние ряды, к которым у нормальных учителей повышенное внимание, и не первые парты, где тоже все замечательно видно. А родная золотая середина. Вот тогда-то Антон и достал из рюкзака коробку.

Женя поднесла коробочку к уху на манер телефона, чтобы услышать гудение. Но гудение в классе, видимо, полностью перекрывало гудение коробочки. Потом потрясла. Потом попыталась скovyрнуть ногтем припаянную крышечку.

— Цвет еще тоже какой-то непонятный, — старался донести свое удивление Антон, — и не серый, и не коричневый, не знаю, бесцветный какой-то...

— А чего за кнопочки сбоку?

Кнопочки были похожи на пупырышки воздушно-пузырчатой пленки, которой обычно укутывают бытовую технику. Такие же вот мягонькие и будто бы наполненные воздухом. Женя понажимала на все три кнопочки по очереди, потом на все три разом — коробка загудела как бешеная, и мир остановился.

* * *

Замерло абсолютно все — даже пылинки, которые еще вот только что, секунду назад, медленно плавали в луче утреннего солнца. Антон сначала тоже замер, но от удивления — не удивился даже, а буквально остолбенел. Время шло, а все вокруг оставалось совершенно неподвижным — одушевленное и неодушевленное, начиная с хомьяка Егора, который жил в клетке в их классе уже год, и заканчивая историчкой. Одноклассники застыли в нелепых и странных позах: кто ковырялся в носу, тот так и остался с засунутым в ноздрю пальцем, кто шептался — замер, склонившись к уху соседа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru